

3. *Луландин В. И., Стрижова Е. Н.* Психометрический анализ теста ТСЛ // Психол. вестн. Урал. ун-та. Екатеринбург, 2009. Вып. 8. С. 183–194.
4. *Рюриков Ю. Б.* Мед и яд любви. М., 2002.
5. *Lee J. A.* The Styles of loving. Toronto, 1974.

Статья поступила в редакцию 09.12.2010 г.

УДК 159.9.018.7 + 159.9.072.42

М. Н. Юртаева

ЭФФЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ НА ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Представлены результаты исследования взаимосвязей когнитивно-стилевых и личностных характеристик толерантности к неопределенности. Полученные результаты рассмотрены с позиций представлений о нелинейной структуре стилиевых измерений. Обнаружены компенсаторные и регуляторные эффекты когнитивного стиля на проявление личностных характеристик толерантности к неопределенности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: толерантность к неопределенности, когнитивный стиль, обработка информации, произвольный интеллектуальный контроль

Контекстом, характеризующим жизнь современного человека, является увеличение разнообразия, неуверенности и стресса. К описанию содержания жизненных ситуаций все чаще применяются такие параметры, как дефицит знания или его противоречивость, множественность альтернатив выборов и решений, непредсказуемость и неконтролируемость, т. е. неопределенность. Это в совокупности определяет актуальность изучения феноменов, опосредующих реализацию поведения и деятельности человека в условиях неопределенности. К их числу может быть отнесен феномен толерантности к неопределенности.

В работах исследователей понятие «толерантность к неопределенности» рассматривается в нескольких ракурсах: когнитивный стиль, личностная черта, мотивационно-личностная характеристика (готовность), связанная с реализацией поведения и деятельности в условиях риска и неопределенности. В большинстве определений понятия «толерантность к неопределенности» актуализируется тот содержательный компонент, который включает восприятие и интерпретацию неопределенных стимулов/ситуаций как источников угрозы либо источников позитивных возможностей и развития.

Несмотря на усиливающийся интерес исследователей к данному феномену, достаточно противоречивым остается вопрос взаимосвязей индивидуально-психологических характеристик в структуре толерантности к неопределенности.

ЮРТАЕВА Марина Николаевна — ассистент кафедры теоретической и экспериментальной психологии Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург (e-mail: myurtaeva_82@mail.ru).

© Юртаева М. Н., 2011

Цель исследования состояла в сравнении стилевых субгрупп, выделенных на основании кластерного анализа, по ряду личностных характеристик толерантности к неопределенности.

Анализ полученных данных осуществлялся в соответствии с парадигмой М. А. Холодной (2002), согласно которой стилевые измерения имеют нелинейную структуру, являются квадриполярными по своей сущности [3].

В исследовании проверялись следующие предположения: 1) феномен «расщепления» полюсов когнитивных стилей позволяет дать более полную дифференцированную оценку испытуемых по выраженности толерантности к неопределенности; 2) отдельные когнитивные стили не являются изолированными конструктами, в основе их продуктивных проявлений лежат общие способы саморегуляции интеллектуального поведения, к описанию которых применимо понятие «непроизвольный интеллектуальный контроль»; 3) проявления непроизвольного интеллектуального контроля положительно сопряжены с личностными характеристиками толерантности к неопределенности, тогда как эффекты «крайних» позиций когнитивного стиля положительно сопряжены с проявлениями интолерантности к неопределенности.

На разных этапах исследования в нем приняли участие 181 испытуемый (все студенты) в возрасте 17–25 лет (29 мужчин и 152 женщины). В работе использовались следующие методики: шкала толерантности к неопределенности С. Баднера (в адаптации Г. У. Солдатовой), шкала толерантности к неопределенности Д. Мак-Лейна (в адаптации Е. Г. Луковицкой), опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР–25) Т. В. Корниловой, шкала личностной и ситуативной тревожности Ч. Спилбергера, опросник базисных убеждений Р. Янофф-Бульман (модификация М. А. Падун, А. В. Котельниковой), тест «Встроенные фигуры» Г. Виткина, тест «Схожие рисунки» Дж. Кагана, тест «Словесно-цветовая интерференция» Дж. Струпа. Применялся кластерный (метод Варда) и дисперсионный анализы. Сравнение выборок осуществлялось по U-критерию Вилкоксона-Манна-Уитни; использовался *Ex post facto* дизайн.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость (далее — ПЗ/ПНЗ) было выделено три слабопересекающихся кластера, которые интерпретировались как субгруппы «фиксированные полenezависимые», «мобильные полenezависимые» и «мобильные полезависимые». Здесь и далее выпадение отдельных кластеров, описывающих различные категории испытуемых, объясняется спецификой возрастного и образовательного статуса испытуемых.

Сравнение субгрупп «фиксированные полenezависимые» и «мобильные полenezависимые» выявило значимые различия по показателю толерантности к неопределенности Д. Мак-Лейна ($M = 107,23$, $M = 92,25$, $p < 0,05$ соответственно)¹. Таким образом, «фиксированные полenezависимые» сообщают

¹ M — среднее значение показателя по кластеру, p — уровень значимости различий сравниваемых показателей.

о большей толерантности к неизвестным, сложным, динамически неопределенным стимулам.

Для понимания смысла полученных результатов было высказано два объяснения. Первое из них связано с идеей «нагрузки» в переработке при регулировании объема рабочей памяти. Согласно когнитивным интерпретациям, поленазависимость соотносится с малым объемом и темпом одновременно обрабатываемой информации, а также инертностью внимания. Влияние таких факторов, как тревожность, может приводить к уменьшению объема рабочей памяти и снижению эффективности обработки информации [3, 6]. Данное объяснение получило свое подтверждение в рамках схемы гендерного сравнения. Результаты сравнительного анализа межгруппового фактора «пол» (для $n = 80$, 64 девушки и 16 юношей) установили, что мужская часть выборки, в отличие от женской, характеризуется большей толерантностью к неопределенности ($F = 3,68, p = 0,05$) и поленазависимостью ($F = 5,77, p < 0,02$), меньшими значениями личностной и реактивной тревожности ($F = 16,53, p < 0,001$; $F = 3,94, p < 0,05$ соответственно).

Второе объяснение обращено к анализу показателя имплицитной обучаемости. Содержательно имплицитная обучаемость соотносится с адаптивной способностью неявно (без сознательных попыток) выявлять закономерности окружающей среды, операционально — с общей способностью индивида обучаться в процессе решения задач [2].

Смысл показателя имплицитной обучаемости позволяет считать первое объяснение малоудовлетворительным. В этом случае можно допустить, что высокие значения толерантности к неопределенности Мак-Лейна в субгруппе «фиксированные поленазависимые» будут латентным проявлением интолерантности к неопределенности, значение которого — предотвращение опасений и защита от неожиданностей [5].

В рамках когнитивного стиля импульсивность/рефлексивность (далее — И/Р) было выделено три непересекающихся кластера, которые интерпретировались как субгруппы «быстрые/неточные», «быстрые/точные», «медленные/точные». Попарное сравнение субгрупп «быстрые/точные» и «быстрые/неточные» выявило значимые различия по показателю «Справедливость» шкалы базисных убеждений ($M = 5,84, M = 3,42, p < 0,05$). Таким образом, импульсивные субъекты демонстрируют убеждение в несправедливости окружающего мира.

Отмеченное соотношение является вполне ожидаемым, если учитывать то, что импульсивным субъектам несвойственно тщательно анализировать информацию, перебирать альтернативные решения, отказываться от одних и переключаться на другие [1]. Указанные особенности находят свое выражение в склонности к генерализованным обобщениям и специфических схемах оценки впечатлений. В частности, внешние события и ситуации оцениваются менее позитивно, с пессимистическим уклоном, как угрожающие, несправедливые, несущие угрозу для «я» [4].

Сравнение субгрупп «быстрые/точные» и «медленные/точные» (рефлексивные) выявило на уровне тенденции ($p = 0,6$) стремление «быстрых/точных» оценивать себя как более удачливых, а рефлексивных — как менее удачливых. Попарное сравнение субгрупп «медленные/точные» (рефлексивные) и

«быстрые/неточные» (импульсивные) обнаружило парадоксальную картину результатов. Так, рефлексивность положительно соотносится с показателем толерантности к неопределенности Баднера ($M = 70,6$, $M = 66,1$, $p < 0,05$) и отрицательно с имплицитной обучаемостью ($M = 0,55$, $M = 0,79$, $p < 0,01$). Если первый результат согласуется с более ранними исследованиями толерантности к неопределенности, а также укладывается в рамки представлений о сформированности механизмов произвольного интеллектуального контроля, то второй результат является малоожидаемым. Напомним, что механизмы произвольного интеллектуального контроля ассоциируются со способами саморегуляции интеллектуального поведения и рассматриваются в терминах его эффективности. Согласно второму результату, можно заключить, что импульсивные более быстро реагируют на изменение условий ситуации, но в силу несформированности контролирующих реакций демонстрируют ранний выход из ситуации неопределенности.

В рамках когнитивного стиля «ригидность/гибкость познавательного контроля» (далее — Р/Г) было выделено четыре кластера, которые интерпретировались как субгруппы «неинтегрированные», «гибкие», «интегрированные», «ригидные». Обратимся к анализу наиболее существенных результатов.

Для понимания когнитивного стиля Р/Г нам представляется значимым рассмотрение основных показателей, связанных с его измерением. Вопрос о сущности показателя соотношения времени чтения карт «Цвет» и «Слово» является наиболее дискуссионным. Традиционно он интерпретируется как «вербальность» или «вербальная доминантность». Между тем имеются факты, указывающие на некорректность подобной формулировки. По мнению М. А. Холодной, данный показатель следует рассматривать как меру интеграции (близости) двух форм познавательного опыта, проявление способности осуществлять одну из форм словесно-образного перевода. На наш взгляд, подобная трактовка смысла указанного показателя является метафоричной, но по сути своей обращенной к проблеме различных систем ментальной репрезентации. Показатель соотношения времени чтения карт «Цвет» и «Слово» следует определять как предпочтения в характере построения ментальных репрезентаций — последовательном или одновременном, тогда как величину интерференции следует рассматривать как способность «переключаться» с одного способа кодирования информации на другой, собственно когнитивную гибкость. Именно в данных смысловых координатах осуществлялся анализ полученных результатов.

«Расщепление» полюса гибкости познавательного контроля («неинтегрированные» — «гибкие») обнаружило, что субгруппа «гибкие» демонстрирует наиболее высокие показатели по шкалам толерантности к неопределенности ($M = 94,1$, $M = 103,7$, $p < 0,05$) и готовности к риску ($M = 2,6$, $M = 4,6$, $p < 0,05$). Это обеспечивается, на наш взгляд, одновременностью в кодировании сенсорно-перцептивных и вербальных стимулов в сочетании с когнитивной гибкостью.

Субгруппа «неинтегрированные» в отличие от субгруппы «гибкие» характеризуется последовательностью в обработке информации в сочетании с когнитивной гибкостью и убеждением в доброжелательности окружающего мира ($M = 6,87$, $M = 4,83$, $p < 0,05$). В интеллектуальном поведении субгруппы

«неинтегрированные» можно обнаружить сходство с субгруппой «фиксированные полнезависимые». Высокие показатели толерантности к неопределенности, ее характеристик в данных субгруппах обеспечиваются, на наш взгляд, высоким когнитивным ресурсом их представителей. С учетом специфики выявленных взаимосвязей можно допустить, что когнитивный ресурс данных категорий испытуемых направлен на совладание с тревогой путем переосмысления событий в рамках сложившихся схем и убеждений, поддержания положительных установок (иллюзий) в отношении собственного «я» и окружающего мира. Результаты работ С. Байер и др. не противоречат нашей мысли. По мнению исследователей, чем больше человек переживает угрозу в отношении собственного «я», тем больше он испытывает потребность «держаться» за позитивные иллюзии [4].

Субгруппа «интегрированные» (полюс ригидности познавательного контроля) демонстрирует большую «чувствительность» к когнитивному конфликту, преодоление которого сопряжено с проявлением контролирующих реакций (медленное выполнение карты «Цветные слова»). В сравнении с субгруппами «неинтегрированные» и «гибкие» субгруппа «интегрированные» характеризуется более низкими показателями шкал толерантности к неопределенности, готовности к риску, базисных убеждений (шкала «Контроль») и высокими показателями личностной тревожности.

Таким образом, формирование механизмов произвольного интеллектуального контроля, с одной стороны, обусловлено необходимостью саморегуляции интеллектуального поведения в ситуациях неопределенности, с другой стороны — компенсацией дефицита личностно-когнитивного ресурса субъекта.

Сравнение субгруппы «ригидные» с другими стилевыми кластерами в обозначенном континууме показало их наибольшую уязвимость при восприятии и интерпретации неопределенных стимулов и ситуаций.

Выводы

Подводя итоги эмпирического исследования, следует отметить, что первоначальные предположения получили свое подтверждение. На основании результатов проведенного исследования были сделаны следующие выводы: 1) анализ когнитивных стилей «полнезависимость/полнезависимость», «импульсивность/рефлексивность», «ригидность/гибкость» познавательного контроля, осуществленный при помощи процедуры кластерного анализа, позволил выявить различные оттенки толерантности к неопределенности; 2) выраженность аналитического компонента когнитивного стиля хотя и является преимущественной при восприятии и интерпретации неопределенных стимулов и ситуаций, связана с проявлением защитных механизмов; 3) механизмы произвольного интеллектуального контроля соотносятся с саморегуляцией интеллектуального поведения в ситуации неопределенности, а также могут выступать в качестве ресурсной составляющей в случае дефицита личностно-когнитивных возможностей субъекта, выражающегося в усилении инерционных компонентов интеллектуальной деятельности и переживании тревоги.

1. *Корнилова Т. В., Скотникова И. Г., Чудина Т. В., Шуранова О. И.* Когнитивный стиль и факторы принятия решения в ситуации неопределенности // Когнитивные стили. Таллинн, 1986.
2. *Кострикина И. С.* ИмPLICITная обучаемость как условие реальных достижений в различных видах деятельности // Психол. журн. 2008. Т. 29.
3. *Холодная М. А.* Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. М., 2002.
4. *Bayer S., Lev-Wiesel R., Amir M.* The Relationship Between Basic Assumptions, Posttraumatic Growth, and Ambiguity Tolerance in an Israeli Sample of Young Adults: A Mediation-Moderation Model // Traumatology. 2007. Vol. 13.
5. *Frenkel-Brunswik E.* Intolerance of ambiguity as an emotional perceptual personality variable // Journal of Personality. 1948. Vol. 18.
6. *Grimley M., Dahraei H., Riding R.* The relationship between anxiety-stability, working memory and cognitive style // Educational Studies. 2008. Vol. 34.

Статья поступила в редакцию 02.11.2010 г.